

Ермолов Игорь Геннадьевич

ОСОБЕННОСТИ ВОПЛОЩЕНИЯ ГЕРМАНСКОЙ ОККУПАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ НА ТЕРРИТОРИИ РСФСР В 1941-1944 ГГ.

В статье показаны причины смягчения немецкими оккупантами "восточной" политики в отдельных регионах и перехода к более гибким ее формам. Выявлено, что при этом оккупанты использовали различные факторы, в том числе национальный и религиозный. Согласно приведенным данным, именно особенности проведения оккупационной политики стали мощным катализатором коллаборационистских настроений в среде советских граждан.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/5-4/15.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 5 (11): в 4-х ч. Ч. IV. С. 62-67. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/5-4/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 94(470)"1941/1945":352/353

В статье показаны причины смягчения немецкими оккупантами «восточной» политики в отдельных регионах и перехода к более гибким ее формам. Выявлено, что при этом оккупанты использовали различные факторы, в том числе национальный и религиозный. Согласно приведенным данным, именно особенности проведения оккупационной политики стали мощным катализатором коллаборационистских настроений в среде советских граждан.

Ключевые слова и фразы: оккупация; коллаборационизм; казачество; старообрядцы; партизаны; комендатура; декларация; республика.

Игорь Геннадьевич Ермолов

Кафедра отечественной истории

Орловский государственный университет

jermolov@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ВОПЛОЩЕНИЯ ГЕРМАНСКОЙ ОККУПАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ НА ТЕРРИТОРИИ РСФСР В 1941-1944 ГГ. ©

Говоря об особенностях германской оккупационной политики, в настоящей работе имеются в виду ее нетипичные проявления, шедшие вразрез с официальной политикой Германии по отношению к населению оккупированных территорий СССР. Возникновение данных особенностей связано, прежде всего, с потребностью изыскать дополнительные средства борьбы с партизанами, так как уже летом-осенью 1941 г. тыловые германские войска обнаружили недостаточность для этого одних военных мер. Требовалось наладить контакт с местным населением, создав из числа добровольцев тыловые воинские подразделения и части, развить сотрудничество населения с оккупантами, что было важно в смысле выполнения продовольственных, сырьевых и иных поставок. По этим причинам командиры германских частей и соединений из соображений практической целесообразности отклонялись от постулатов «восточной» политики, предоставляя населению гораздо большую самостоятельность, чем на других оккупированных территориях, где неукоснительно соблюдались установки национал-социализма.

Так, согласно одному из партизанских донесений, оккупировав Красногородский район Калининской области, немцы, начиная с осени 1941 г., посчитали его более благонадежным. Ввиду этого «населению района немцы создали некоторые материальные условия жизни» [15, д. 154, л. 20]. Тот же документ констатирует подъем в течение двух лет оккупации материального уровня местного населения: «К лету 1943 г. крестьянин Красногородского района имел 2-3 коровы, лошадь, овец, поросят и в достаточном количестве домашней птицы». В результате, по мнению оперировавших здесь советских партизан, «немцам легче чем в других районах удалось осуществлять свою власть на территории района» [Там же]. А партизанское движение здесь испытывало значительные трудности, так как при появлении партизан в деревнях население немедленно информировало немецкий гарнизон. До конца лета 1943 г. сохранялось именно такое положение [Там же, л. 20 - 20 об.]. Интересные данные содержатся в отчете секретаря Идрицкого (Калининская область) райкома ВКП(б) В. А. Дунаева от 15 апреля 1943 г. В пос. Идрица и прилегающих к нему волостях, где оккупанты пользовались безграничной властью, население относилось к партизанам резко отрицательно. Составитель отчета объясняет это тем, что немецкие оккупационные власти создали для жителей лучшие условия, в результате у людей «было меньше причин не любить новую власть» [Там же, д. 138, л. 24]. Напротив, в удаленных от Идрицы волостях, где не было немецких гарнизонов, население больше тяготело к партизанам [Там же].

Следует особо выделить попавшие под оккупацию территории исторического расселения казаков. Именно казаки стали одним из народов, у которого, по выражению Н. Г. Назаренко, «ненависть... к коммунизму была беспредельной» [12, с. 9].

Уже в первые недели после вторжения вермахта на территорию СССР возглавляемое А. Розенбергом Министерство по делам оккупированных восточных территорий планировало создать казачий полуавтономный район между Доном и Волгой. Однако вскоре отказалось от этой идеи, запланировав включить земли Войска Донского в состав рейхскомиссариата «Украина», а земли Кубанского и Терского войск - в состав рейхскомиссариата «Остланд». Казачья эмиграция после начала германской агрессии сделала попытку встать во главе казачьих территорий. Так, во второй половине 1941 г. штаб донского атамана М. Н. Граббе в Париже составил программу восстановления Войска Донского. Этот документ планировал передачу власти в Донской области войсковому атаману, выборность местных органов власти, введение ряда прав и свобод, например, свободы исповедовать любую религию кроме иудаизма, замену колхозов сельхозартелями с выборными председателями во главе, отмену государственной монополии торговли и поощрение предпринимательства и ремесла, восстановление имущественных прав лиц, у которых имущество, включая земли и недвижимость, было отобрано советской властью [3, с. 57-58].

Летом 1942 г. дивизии вермахта вышли к Волге и Северному Кавказу. 23 июля был взят Ростов-на-Дону, 12 августа - Краснодар. Накануне этого, 27 июня 1942 г., Розенберг осветил особенности предстоящего отношения к народам Кавказа: «В области культуры возможно было бы без всяких оговорок обещать автономию, разрешив функционирование средних, ремесленных и высших школ» [16]. В отличие от других областей РСФСР, для которых гитлеровское руководство считало искусство излишним, Розенберг полагал, что кавказским народам в их тяге к искусству «ни в коем случае не надо препятствовать, наоборот, имперский покровитель должен поощрять разные искусства и... закрепить это поощрение в сознании народов» [Там же]. Подобные послабления, как отметил Розенберг, преследовали цель «усилить у племен сознание их культурной автономии».

27 июля 1942 г. Гитлер поддержал представленную Розенбергом программу «О преобразовании Кавказа», в которой обращалось внимание на то, что «Кавказ является конечным углом Европы». Здесь же указывалось на необходимость завоевания доверия и поддержки кавказцев, что, по мнению Розенберга, наилучшим образом повлияет на отношение магометанских государств к Германии [6, с. 57]. Советское правительство, по всей вероятности, всерьез опасалось, что немалая часть северокавказцев, в первую очередь - казаков, предпочтет внешнего врага внутреннему. Поэтому осенью 1942 г. «Правда» выступила с призывом «к казакам тихого Дона, быстрой Кубани и бурного Терека» «вступить в беспощадную борьбу с немецкими захватчиками» [20, р. 330-331]. А о том, как население некоторых «казачьих» областей вело себя в преддверии прихода немцев, говорят следующие цифры. Так, на территории оккупированной Ростовской области самовольно осталось около 10 тысяч коммунистов, не считая кандидатов в члены ВКП(б). Примерно 40% из них во время оккупации уничтожили или сдали в гестапо свои партбилеты. После освобождения области из партии было исключено 5 019 чел. [15, д. 545, л. 38]. По другим «казачьим» областям данные выглядят похоже. Например, в Шовгеновском районе Краснодарского края из 185 членов и кандидатов в ВКП(б) дожидаться прихода оккупантов осталось 97 чел., из них 49 чел. впоследствии исключили из партии за службу немцам и осудили [11, с. 140]. Эти цифры говорят о том, что пораженческие настроения затронули коммунистов «казачьих» областей в большей степени, нежели на других оккупированных территориях РСФСР.

Уцелевшие после «расказачивания» и коллективизации донские, кубанские и терские казаки в основной своей массе приветствовали немецких солдат как «освободителей от большевистского ига». При вступлении частей вермахта в казачьи станицы, население, как правило, встречало немецких солдат с хлебом и солью, не скупилось на продукты питания, кроме того, тут же находились добровольцы, предлагавшие услуги проводников. На фоне этого, оценив казаков как возможных союзников, командиры воинских частей и соединений стали держать при своих армейских штабах добровольных советников из казаков, выполнявших консультативные функции. П. Н. Донсков, оценивая услуги казаков немцам, писал, что «такой сноровкой и широтой военных познаний не обладал в своей массе ни один народ» [2, с. 494].

Что касается управления казачьими территориями, ввиду того, что Северный Кавказ относился к прифронтовой зоне, власть здесь принадлежала военным германским властям, а непосредственно исполнительная власть находилась в руках командиров корпусов и дивизий. В тылу, на глубине 25-50 км., начиналась зона, управлявшаяся военными комендантами. Помимо вопросов снабжения германских войск, коменданты формировали силы самообороны, контролировали создание и деятельность органов местного самоуправления, печатных изданий.

Пытаясь установить единую систему самоуправления, немцы столкнулись на казачьих землях с некоторыми сложностями. Так, институт старост как низшего звена в иерархии местного самоуправления оказался для казаков, привыкшим к атаманскому правлению, довольно нетипичным, более того, неприемлемым. Один из мемуаристов отмечает, что шаги казаков по возрождению атаманского правления, разделу колхозно-совхозного имущества встречали со стороны немецких властей лишь одобрение и поддержку: «Зашумели хуторские и станичные Круги. Всюду избрали атаманов. Делили колхозы и совхозы. Второе возрождение казачества началось. Оккупационные власти этому содействовали и абсолютно доверяли казакам» [4, с. 161].

Что касается политической платформы коллаборационизма, уже 15 ноября 1942 г. походный атаман Сергей (Ерофей) Васильевич Павлов передал германскому командованию «Декларацию Войска Донского», которую надеялся довести до высшего гитлеровского руководства.

В преамбуле напоминалось, что в период существования Донской республики в 1918-1920 гг. Германия признала ее де-факто и даже сражалась против большевиков во взаимодействии с Донской армией (очевидно, до заключения между советским правительством и Германией Брестского мира), тем самым утверждая суверенитет республики.

Что касается содержания Декларации, в ней «Донская казачья республика» просила германское правительство передать в распоряжение походного атамана все казачьи воинские формирования, прекратить мобилизацию казачьей молодежи на трудовые работы в Германию, отозвать германских комиссаров по прозаготовкам на Дону и ввести практику добровольной купли-продажи, передать «республике», как ее собственности, все конные заводы и промышленные предприятия [Там же, с. 163-164].

Бросается в глаза наивность составителей Декларации, так как исполнение ее пунктов гитлеровским руководством означало бы отказ от колонизаторских планов Германии, в результате вся «восточная кампания» теряла смысл. В результате текст Декларации все же дошел до Берлина, но ни один из ее пунктов не был исполнен. Реальными привилегиями донских казаков стало лишь восстановление атаманского правления и право переименования сельских населенных пунктов в станицы.

Возрождение атаманского правления и казачьих традиций создавало некую иллюзию самостоятельности, независимости населения. Насколько далеко это порой заходило, свидетельствует случай, описанный П. Н. Донсковым. В разговоре с немецким чиновником Тикерпу он дал ему такую отповедь: «Вы должны все, начиная с вас, г-н Тикерпу, усвоить, что на нашей земле вы явление случайное, обусловленное только пребыванием иностранцев, оккупировавших Дон» [2, с. 525].

Если на донских землях казачья самостоятельность ограничивалась восстановлением атаманского правления, переименованием хуторов в станицы, то несколько иная ситуация складывалась на Кубани. Оккупировавшие ее войска группы «А» начали эксперимент по созданию казачьего автономного района. Предполагалось после продвижения германских войск дальше на восток предоставить здесь казакам полную самостоятельность, а сам район реорганизовать в генерал-губернаторство. В отличие от земель Войска Донского, на Кубани официально было объявлено о ликвидации колхозов, и стал осуществляться переход к частному землевладению. Кроме того, казаки получили гарантии свободы в области религии, культуры, образования.

По свидетельству А. Сукало, более чем шестимесячное пребывание на Кубани оккупантов не ознаменовалось ни одним фактом грабежа или насилия [14, с. 19].

Сформированный к 1 октября 1942 г. казачий район включал шесть административных районов, население которых составило 160 000 чел., а 5 ноября 1942 г. это административное образование было утверждено в Берлине. Сразу же в этом казачьем мини-государстве обозначился некоторый всплеск хозяйственной деятельности: заработали восстановленные государственные и открывшиеся частные предприятия, в основном пищевые. С пропагандистской целью были переименованы многие улицы в городах, причем, в большинстве случаев улицам возвращались дореволюционные названия. Что касается культурной жизни, помимо возрождения казачьего фольклора, стали повсеместно создаваться казачьи артистические бригады. Они демонстрировали театральные постановки, давали концерты, а зрителями были как местное население, так и германские военнослужащие.

Некоторые особенности в южных областях РСФСР возымела система народного и профессионального образования. В отличие от центральных областей РСФСР, где действовали лишь школы и средние специальные учебные заведения, на исторической территории Войска Донского открылось три вуза: сельскохозяйственный, медицинский и политехнический институты. Это удалось благодаря сложившимся благоприятным условиям воссоздания системы высшего образования. Так, в марте 1942 г. на Северный Кавказ была эвакуирована значительная часть профессоров и доцентов ленинградских вузов - около 150 преподавателей и 500 студентов. С сентября 1942 г. начались занятия в Ставропольском сельхозинституте, его возглавил профессор Флоренс. Профессорско-преподавательский состав получал зарплату и продпайки по высшей категории. Помимо обеспечения учебного процесса, институтские ученые проводили научно-исследовательскую работу, в частности, выпустили коллективную монографию «Краткое руководство по сельскому хозяйству Северного Кавказа», подготовили ряд рекомендаций, касающихся более эффективного использования северокавказских сельскохозяйственных ресурсов [9, с. 338-339].

Однако как количество студентов, так и преподавателей резко сократилось ввиду того, что большинство из них принадлежало к еврейской нации и подверглось уничтожению [5, с. 70]. Что касается школьного образования, оно имело те же черты, что в центральных областях РСФСР. Так, на юге РСФСР наблюдалось сокращение количества школ, преобладание начального образования. Так, на 34 района Ставропольского края открылось всего 192 начальные школы, 13 семилетних, 15 гимназий. На всей территории Кубани работали лишь начальные школы, в г. Таганроге - 13 начальных школ [Там же].

Немаловажной особенностью казачьих земель стало создание специфической судебной системы, а также законодательства. Так, ввиду объявленного на территории Войска Донского военного положения, уголовное судопроизводство передавалось военным судам, где судебскими функциями наделялись атаманы. В основном военные суды рассматривали преступления коммунистов, проводя, таким образом, своеобразную «зачистку» региона. Гражданские суды создавались на базе судов, существовавших при советской власти, однако судьи, бывшие членами ВКП(б) увольнялись, а их места занимали выборные судьи [3, с. 58].

Казачий автономный район просуществовал до января 1943 г., когда началось отступление германских войск.

В то же время далеко не все казаки приветствовали германские войска. Находились те, кто готовил им отпор, а часть партийного актива, как позже выяснилось, избежала эвакуации с целью организовать в тылу врага партизанское движение, составить костяк будущих партизанских отрядов. К тем, кто оказался втянутым в партизанскую борьбу, относились в основном «пришлые, поселившиеся вместо уничтоженных казаков и приписные, получившие казачьи права по решению Круга спасения Дона. Урожденные же казаки твердо держались казачьего Возрождения» [4, с. 161].

В ряде случаев проблема с партизанами решалась путем переговоров. Как писал один из кубанских казаков, «казаки предложили им (советским партизанам - И. Е.) убираться, так как немцами было заявлено, что за одного убитого [немца] будет расстреляно сто жителей станицы. Опасаясь этого и пригрозив партизанам, казаки потребовали, чтобы они из станицы ушли. Требование это партизанами было исполнено» [7, с. 27]. Однако так было далеко не всегда - в ряде случаев противостояние между казаками и советскими партизанами перерастало в ожесточенную борьбу, напоминавшую по своей сути гражданскую войну. На фоне этого нельзя полностью согласиться с Д. Армстронгом, утверждавшим, что попытка организовать на территориях

Северного Кавказа партизанское движение «почти полностью провалилась» [1, с. 416]. Можно говорить лишь о меньших масштабах партизанского движения.

Однако следует отметить, что даже у самых последовательных казаков -противников большевизма - к концу пребывания в их краях оккупантов стала вырабатываться неприязнь к ним. Так, даже казачьи коллаборационистские издания отмечали, что первоначальный духовный подъем по поводу изгнания большевиков с течением времени сменился разочарованием в новых хозяевах. Тут же констатировался расцвет спекуляции, всплеск преступности, в основном мошенничества, неизбежного в условиях перехода торговли на стихийные рыночные рельсы. Так, «Казачий вестник» в конце 1942 г. писал: «На Божий свет появились лица - юркие, алчные дельцы, для которых мутная вода - весь идеал, весь смысл их человеческой деятельности. Эти «рыцари наживы» на горе других потащили с рынка по домам запасы муки, соли, подсолнечного масла, жиров и т.п. Начались какие-то закупки, переброски этих товаров из одного района в другой. Целое «мешочное паломничество». Вошла в моду скупка подвоза у врат города и последующая затем перепродажа... Все это приводило к немедленному вздутию цен и исчезновению ряда продуктов с базаров» [8].

А разочарование казаков в немцах, по определению А. Сукало, явилось следствием частых реквизиций у населения предметов первой необходимости, что подрывало жизненный стандарт населения. Он же отмечает, что «наряду с этим забота о нуждах населения осуществлялась в крайне незначительном размере» [14, с. 21].

Налогообложение казаков мало чем отличалось от налоговой системы, введенной на других оккупированных территориях СССР. Невыполнение налоговых ставок строго наказывалось. Так, за несдачу определенного количества молока (100 литров в квартал с первой коровы, 150 - со второй), корову могли конфисковать как немолочную. Облагались налогами и другие животные, даже собаки. Например, беспородная дворняжка обходилась в 50 рублей в месяц, породистая собака - еще дороже [10, с. 231]. А некоторые административные проступки, могущие в той или иной мере повлиять на производительность труда казаков-колхозников (например, пьянство и самогоноварение), наказывались в лучшем случае поркой, в худшем - расстрелом виновных [Там же].

Таким образом, планы как казачьей эмиграции, так и казаков-коллаборационистов во многом стали лишь иллюзией. Полной и даже частичной самостоятельности казачьих земель добиться не удалось, особенности проведения здесь оккупационной политики имели, скорее, пропагандистский, нежели практический характер. Вся совокупность этой особенности ни в коем случае не меняла сущности германской «восточной» политики. Поэтому говорить о якобы существовавшей самостоятельности ряда областей юга РСФСР было бы исторически неверным. Полная подконтрольность казачьих органов местного самоуправления германским властям, грабительская налоговая политика оккупантов, слабость системы народного образования - все это повторяло черты, характерные для других оккупированных территорий РСФСР. Что касается планов Восточного министерства Германии по созданию на землях Кубани казачьей автономии, до их практического воплощения дело не дошло.

Определенные особенности возымела политика оккупантов в местах исторического расселения староверов. В частности, на северо-западе России (территория Ленинградской, Новгородской областей) было много староверов и ингерманландцев, тесно связанных между собой и считавших коммунистов «слугами антихриста». Командующие 16-й и 18-й немецких армий предоставило жителям своих тыловых районов со старообрядческим населением широкую автономию, фактически не вмешиваясь в деятельность органов самоуправления. Кроме того, гуманно относилось к советским военнопленным, а население привлекало для оказания им помощи. Это существенно ограничило масштабы деятельности советских партизан - сформировавшиеся к весне 1942 г. партизанские отряды действовали лишь в лесах около г. Луга, тогда как количество советских военнопленных, вызвавшихся охранять тылы 18-й армии, к осени 1942 г. достигло 47 000 чел. [13, с. 614-615].

Следующей особенностью проведения оккупационной политики следует назвать «Республику Бишлера». В 1942 г. Командир 613-го восточного батальона полковник Бишлер, немец русского происхождения, сделал попытку превратить свою полевую часть в самооборонческую. С этой целью он разрешил военнослужащим своего батальона строить дома и жениться на территории двух сельских советов Ершицкого района Смоленской области [Там же, с. 606]. Тем самым Бишлер, несомненно, пытался создать экономический стимул для личного состава своего батальона. Однако попытка перевести коллаборационистов на оседлый образ жизни была обречена на провал ввиду кратковременности пребывания батальона в указанной местности.

Рассматривая особенности оккупационной политики нельзя игнорировать положение на тех оккупированных территориях, где создавались так называемые «партизанские края». Эти местности, хотя и находились за линией фронта, в основном или полностью контролировались советскими партизанами. Партизанские края возникали, как правило, в тех местностях, не было ни коммуникаций, ни промышленных или сельскохозяйственных объектов, представлявших интерес для германской армии. Появление там германских войск практически исключалось, поэтому партизаны могли оседло дислоцироваться в таких районах в течение длительного времени. Из административных структур партизанами, прежде всего, создавались временные органы власти. В масштабах населенного пункта властные функции выполнял либо командир партизанского отряда (бригады), либо назначенное им лицо из командного состава. В случаях, когда партизаны посещали населенный пункт на территории партизанского края лишь периодически, глава (по немецкой терминологии - «староста», «деревенский старейшина») мог быть назначен из числа местных жителей. Его обязанности в общих чертах совпадали с обязанностями сельского старосты на подконтрольной германскими

структурами территории: учет населения, скота, зерна, продовольствия, контроль за перемещением жителей, за их настроениями, расквартирование прибывавших партизан, продовольственные поставки для партизанских отрядов. Подобно обычным сельским старостам, главы сельских населенных пунктов выполняли одновременно роль председателей колхозов там, где таковые были восстановлены. Главе подчинялась созданная в пределах населенного пункта милиция [1, с. 377-378]. Что касается крупных населенных пунктов, они контролировались партизанами крайне редко. Известен случай, когда с 15 февраля по 7 июня 1942 г. партизанами полностью управлялся находящийся в немецком тылу г. Дорогобуж Смоленской области. Здесь были восстановлены (воссозданы) райком ВКП(б), райисполком, РО НКВД, райвоенкомат [Там же, с. 377]. Кроме того, имеются данные о переходе под контроль партизан в течение марта-апреля 1942 г. города Дятьков и части Дятьковского района Орловской области. В этот период возобновили свою деятельность райком ВКП(б), районный совет депутатов трудящихся, райисполком со всеми входящими в структуру данных органов отделами [18, д. 1, л. 12-14, 26-28, 32; 19, д. 1, л. 10-16]. Данных о работе промышленных предприятий в контролируемых партизанами местностях нет, однако правомерно предположить, что часть таковых была пущена в работу и выпускала продукцию. По крайней мере, есть данные о функционировавших на территории партизанских краев небольших промышленных предприятий, для управления и организации работы которых не требовалось жестких организационных структур. К таковым относились, например, обувные, кожевенные фабрики, столярные, бондарные мастерские. Они были ориентированы, как правило, на удовлетворение потребностей самих партизан. В качестве рабочей силы, наряду с самими партизанами, использовалось местное население, иногда в принудительном порядке [1, с. 393]. Ввиду этого партизанские края стали довольно значительным фактором в деле нейтрализации коллаборационизма - на их территории широко-масштабный коллаборационизм не мог иметь места из-за отсутствия условий. Контингент коллаборационистов здесь был представлен лишь немецкой агентурой, которая довольно быстро уничтожалась ввиду тотального контроля партизан над населением.

Таким образом, особенности проведения оккупационной политики, исключая территории партизанских краев, явились большей частью довольно мощным катализатором коллаборационистских настроений. Коллаборационизм в условиях проводившихся здесь послаблений становился практически поголовным. Данные особенности указывают, прежде всего, на тот потенциал, которым обладало коллаборационистское движение на оккупированных территориях РСФСР. Использование национального, экономического, религиозного факторов приводило к становлению на путь сотрудничества с оккупантами значительной части населения той или иной области. Это происходило несмотря на то, что многие шаги оккупантов носили лишь декларативный характер и не дошли до практического воплощения.

Список литературы

1. Армстронг Д. Советские партизаны. Легенда и действительность. 1941-1944. М.: Центрполиграф, 2007. 493 с.
2. Донсков П. Н. Дон, Кубань и Терек во Второй мировой войне // Трагедия казачества: сб. статей. М., 1993.
3. Дробязко С. И. Казачья эмиграция во второй мировой войне // Материалы по истории Русского Освободительного Движения / под ред. А. В. Окорочкова. М., 1999. Вып. 4. С. 51-115.
4. Дудников В. С. Трагедия казаков Северного Кавказа // Вече. 1997. № 59. С. 159-206.
5. Журавлев Е. И. Гражданский коллаборационизм в годы немецко-фашистской оккупации (1941-1943 гг.): на материалах Юга России // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 16 (154). С. 66-73.
6. Журавлев Е. И. Коллаборационизм, немецкий «новый порядок» и религиозный вопрос на юге России в годы оккупации (1941-1943 гг.) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «История, политология, социология». 2008. № 2. С. 56-61.
7. И. В. Приход немцев на Кубань // Вече. 1967. № 3.
8. Казачий вестник. 1942. № 24 (30). 15 декабря.
9. Ковалев Б. Н. Коллаборационизм в России в 1941-1944 гг.: типы и формы. Великий Новгород: Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, 2009. 372 с.
10. Крикунов П. Казаки между Гитлером и Сталиным. М., 2005.
11. Кринко Е. Ф. Жизнь за линией фронта: Кубань в оккупации (1942-1943 гг.). Майкоп, 2000.
12. Назаренко Н. Г. Минувшая зоря казачества // Великое предательство: сборник / сост. П. Н. Стрелянов (Калабухов). СПб., 2003.
13. Посадский А. В. Военно-политическая самоорганизация российского крестьянства в 1905-1945 гг.: дисс. ... докт. ист. наук. Саратов, 2004. 731 с.
14. Сукало А. Немцы на Кубани // Сб. материалов о выдаче казаков в Лиенце и в других местах в 1945 году / под ред. В. Г. Науменко. Нью-Йорк, 1959. Вып. 18.
15. Тверской центр документации новейшей истории (ТЦДНИ). Ф. 479. Оп. 2.
16. Хранить вечно. 2001. № 2. 22 июня.
17. Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). Ф. 9. Оп. 1.
18. Центр новейшей истории Брянской области (ЦНИБО). Ф. 1659. Оп. 1.
19. Там же. Ф. 1668. Оп. 1.
20. Longworth P. The Cossacks. Constable, 1969.

**GERMAN OCCUPATIONAL POLICY REALIZATION PECULIARITIES
WITHIN THE RUSSIAN SOVIET FEDERATIVE SOCIALIST REPUBLIC IN 1941-1944**

Igor' Gennad'evich Ermolov

Department of Native History

Orel State University

jermolov@mail.ru

The author shows the reasons of "eastern" policy softening in some regions and the transition to its more flexible forms by German occupants and reveals that occupants used different factors including national and religious ones. According to the presented data the peculiarities of occupational policy realization became the powerful catalyst of collaborationist moods among soviet citizens.

Key words and phrases: occupation; collaborationism; Cossacks; Old Believers; partisans; commandant's office; declaration; republic.

УДК 130.1

Статья посвящена анализу понимания и использования идей славянофилов в современном российском обществе. Цель статьи - выявить основные мифы о славянофилах и показать, как эти мифы используются в современных политических и социальных дискуссиях в России. В статье раскрывается проблема трактовки и преломления идей славянофилов в российском социуме, а также проблема биполярности общественного сознания, при которой все социальные и политические процессы рассматриваются в свете отношений славянофилы-западники.

Ключевые слова и фразы: понимание идей славянофилов; мифы о славянофилах; социальные и политические дискуссии; общественное сознание.

Дмитрий Сергеевич Желябовский

Кафедра международных отношений и регионоведения

Новосибирский государственный технический университет

zhelik2006@gmail.com

**ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ИДЕЙ СЛАВЯНОФИЛОВ В РАМКАХ СОЦИАЛЬНЫХ
И ПОЛИТИЧЕСКИХ ДИСКУССИЙ РОССИИ В 1990-2010-Х ГГ. ©**

Спор между западниками и славянофилами о путях развития России и характере русского народа начался в XIX веке. С небольшими изменениями спор этот продолжался весь XX век и теперь продолжается в XXI веке. Сегодня тема этого спора развивается преимущественно в ходе продолжающейся дискуссии о путях модернизации нашей страны. Многие деятели науки и культуры обращаются к спору славянофилов и западников, дискутируя по тем или иным вопросам. И в рамках этого обсуждения представляется актуальным выявить социокультурные аспекты отражения идей славянофилов в современном российском обществе.

Чтобы понять причины актуальности идей славянофилов и западников в современной политической и общественной жизни, нужно обратиться к истории возникновения и эволюции этих идей. Начало возникновения философских, общественно-политических и историософских споров западников и славянофилов связывают с публикацией в 1836 году в журнале «Телескоп» первого «Философического письма» П. Я. Чаадаева. Споры, разгоревшиеся вокруг него, послужили стимулом для кристаллизации воззрений тех, кто был не согласен с пессимистическими оценками прошлого, настоящего и будущего России, содержащимися в сочинении Чаадаева.

В ходе начавшейся дискуссии многие деятели культуры, писатели, публицисты высказывали свое мнение по этому вопросу. Одним из таких ответов на письмо Чаадаева стала статья А. С. Хомякова «О старом и новом» (1839). Считается, что с этой статьей, а также ответом на нее И. В. Киреевского («В ответ А. С. Хомякову», 1839) и возникла особая русская философская мысль. Эти статьи открывают историю славянофильства как оригинального течения русской мысли, в них содержатся основные идеи славянофилов. Статья «О старом и новом» определяла один из центральных вопросов славянофильства: «Что лучше, старая или новая Россия? Много ли поступило чуждых стихий в ее теперешнюю организацию?... Много ли она утратила своих коренных начал, и таковы ли были эти начала, чтобы нам о них сожалеть и стараться их воскресить?» [8, с. 459]. Можно сказать, что с этого момента, с публикации этих двух статей и возник спор западников и славянофилов. Западники устремляли свой взор в сторону Европы и считали, что учиться нужно у нее, славянофилы, напротив, утверждали, что России не нужно слепо подражать Западу, который из-за крайнего рационализма в своем развитии зашел в тупик. Они утверждали, что у нас есть своя русская оригинальная